Судьбы церковно-славянскаго языка

Лекціи Профессора
А. И. Соболевскаго.

С.-Петербургъ.
1891 г.

Судьбы церковно-славянскаго языка.

Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ, что такое ц.-сл. яз. Припомнимъ только, что на него перевели Кириллъ и Меѳодій Св. Писаніе и богослужебныя книги, что былъ называемъ онъ ими и ихъ учениками „языкъ словѣньскъ", а народъ, говорившій имъ — „Словѣне", что еще при жизни первоучителей онъ сдѣлался литературнымъ языкомъ не только тѣхъ Славянъ, которымъ онъ принадлежалъ, но и тѣхъ, для которыхъ онъ былъ чужой.

Въ XI в. мы находимъ его у всѣхъ славянскихъ народовъ, получившихъ крещеніе отъ Кирилла и Меѳодія или отъ ихъ учениковъ, или вообще по греко-восточному обряду — у Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ, Мораванъ, Чеховъ, Русскихъ, вѣроятно, даже у Словинцевъ и Поляковъ: еще Меѳодій, какъ видно изъ его житія крестилъ одного князя „въ Вислѣхъ", т.е. польскаго князя.

Болгарскіе памятники ц.-сл. яз. XI в. сохранились въ небольшомъ числѣ (это Зограф. Ев. и пр.); къ числу сербскихъ памятниковъ XI вѣка можно отнести Ассеманово Ев., Марьин. Ев. Изъ ц.-сл. письменности Мораванъ и Чеховъ XI в. мы имѣемъ только небольшіе отрывки. У Русскихъ мы видимъ сравнительно много ц.-сл. памятниковъ XI в.

Церк.-слав. яз. разныхъ памятниковъ XI в. уже уклоняется отъ первоначальнаго кирилло-меѳодіевскаго яз. и начинаетъ получать разнообразіе по мѣстностямъ: въ него вносятся понемногу мѣстныя особенности; вслѣдствіе этого уже въ эту раннюю пору мы видимъ изводы ц.-сл. яз. Такихъ изводовъ 4:

1. Собственно ц.-сл. изводъ съ яз. наиболѣе близкимъ къ кирилло-меѳод., однако отличающійся уже отъ него отожествленіемъ ъ и ь, замѣною ихъ черезъ о, е и пр.
2. Сербскій изводъ, гдѣ ѫ замѣняется черезъ у (Марьин. Ев.), а ѧ чрезъ е (другіе болѣе поздніе памятники.)
3. Моравочешскій изводъ, гдѣ жд замѣняется черезъ з, а щ черезъ ц.

4. Русскій изводъ, имѣющій у, ю, я, а вм. ѫ и ѧ, ч вм. шт, ж вм. жд.

Послѣ XI в. одинъ изъ этихъ изводовъ — Моравско-чешскій — очень скоро прекратилъ свое существованіе, не смотря на то, что проповѣдь первоучителей имѣла мѣсто главнымъ образомъ въ Моравіи. Извѣстно, какъ былъ притѣсняемъ папой и латинскимъ духовенствомъ Германіи св. Меѳодій, за греч. обрядъ въ богослуженіи, что ученики его, такъ наз. „седмочисленники", послѣ кончины учителя были изгнаны изъ Моравіи, что на ихъ мѣсто водворились сторонники латинскаго обряда въ богослуженіи. Мы не знаемъ, что послѣдніе сдѣлали здѣсь съ евангельскими текстами, но богослужебный чинъ, переведенный первоучителями съ греч. яз., вѣроятно, немедленно былъ изъятъ ими изъ употребленія и замѣненъ новымъ ц.-сл. текстомъ, переведеннымъ съ лат. Так. обр. ц.-сл. богослуженіе было сохранено, но оно должно было слѣдовать лат. обряду. Полный ц.-сл. текстъ богослужебнаго чина, переведенный съ лат., до насъ не дошелъ, но мы имѣемъ два отрывка: Кіевскіе глаголическіе листы (XI в.) и Вѣнскіе глаголич. листы (они недавно открыты Ягичемъ въ Вѣнѣ). Далѣе ц.-сл. богослуженіе по католическому обряду стало постепенно вытѣсняться чисто католическимъ богослуженіемъ на лат. яз. и довольно скоро было совсѣмъ вытѣснено. Послѣднее убѣжище славянскаго богослуженія — Сазавскій монастырь, основанный св. Прокопомъ, въ концѣ XI в. перешло въ руки латинствующихъ („нѣмцевъ", какъ ихъ наз. чешская легенда о св. Прокопѣ), и славянскіе монахи должны были искать убѣжища у Угорскаго короля. Вмѣстѣ съ прекращеніемъ ц.-сл. богослуженія прекратилось въ Чехіи употребленіе ц.-сл. яз. какъ литературнаго, уже начавшееся. Дошедшее до насъ въ русскихъ спискахъ (XV–XVI в.) житіе св. Вячеслава Чешскаго написано на ц.-сл. яз. съ зап.-слав. особенностями. Понятно, звуковыя особенности чешско-моравскія сглажены русскими переписчиками, но все таки мы еще находимъ въ немъ кое-что свидѣтельствующее о чешскомъ происхожденіи памятника: таково имя св. Эмерама — святого католическаго, фраза „Вячеслава постригоша князи", гдѣ князь = священникъ; „младенцы избиша" = князь отроки, сравни чешск. mladenec, польск. młodzieniec = молодой человѣкъ, юноша. Вѣроятно, со временемъ

откроются и другіе остатки ц.-сл. письменности чешско-моравскаго извода: у насъ есть кое-какія молитвы и слова съ упоминаніемъ католическихъ святыхъ, составленныя едва ли не у запад. славянъ и перешедшія къ намъ черезъ южныхъ славянъ.

Употребленіе ц.-сл. въ богослуженіи и литературѣ у Моравъ и Чеховъ прекратилось, но воспоминанія о немъ сохранялись у Чеховъ довольно долго. Чешская хроника такъ наз. Далимилова съ сочувствіемъ упоминаетъ о св. Меѳодіи, который „Русинъ бише и мшу (обѣдню) словѣньски служише". Чешская легенда (сказаніе) о св. Прокопѣ съ любовью разсказываетъ о томъ, какъ родители отдали святого къ учителю въ Вышеградъ, гдѣ „учение славное было", „въ словѣньскемъ языцѣ книжные", что послѣ смерти Прокопа злые клеветники стали наговаривать злому князю, что у него живутъ „какие-то словѣне", имѣющие „какое-то иное письмо" и служащие передъ Божіимъ престоломъ „на словѣньскемъ глаголѣ". Дальше этихъ воспоминаній и попытки возобновить слав. богослуженіе въ XIV в. у Чеховъ не пошло; они сохраняютъ теперь лишь нѣсколько собственныхъ именъ съ греч. звуковою окраскою въ родѣ Климентъ, Димитръ и т.д. Три другіе извода продолжали свое существованіе. Изъ нихъ мы остановимся на болгарскомъ.

Болгарскій изводъ ц.-сл. языка.

Уже въ XII в. болгарскіе памятники ц.-сл. яз. имѣютъ особенности, отсутствующія въ памят. XI в. Эти особенности сообщаютъ ц.-сл. тексту памят. XII, XIII, XIV вв., написанныхъ въ Болгаріи, особую окраску, почему эти памятники выдѣляются въ особый изводъ — среднеболгарскій. Разсмотримъ эти особенности.

Мѣна носовыхъ гласныхъ: подъ вліяніемъ j и мягк. гласн. ѫ замѣняется чрезъ ѧ и наоборотъ: Болонская Псалтырь — ѭзыкъ, своѭ (вин. мн.), вѣруѭ (прич. наст.), начѫло, овчѭ (им.-в. ед.), бышѫ (3 л. мн. аор.), жѫждѫ (прич. наст.), овьцѫ (в. мн. жен.). Здѣсь ѫ вм. ѧ. Наоборотъ: ѧ вм. ѫ: душѧ (в. ед.), землѧ, зорѧ (в. ед.), веселѧ, учинѧ (1 ед. наст.). Въ памятникахъ второй половины XII в. и XIII и XIV вв. мѣна эта уже вполнѣ обычна: Слѣпченскій Ап. (XII в.): отъ Асиѫ (р. ед.), приѫтъ (форма 3 л. аориста), слышѧще, вѣчнѫѧ (в. ед.), одеснѫѧ. Можно замѣтить, что памят. западно-болг. имѣютъ эту мѣну чаще, чѣмъ восточно-болг. Къ этой особенности постепенно присоединяются

другія, болѣе рѣдкія въ текстахъ.

Звуковыя особенности.

Замѣна ъ, ь черезъ ѫ, свидѣтельствующая о спорадическомъ исчезновеніи въ болг. носов. гласн. носового элемента: Бол. Пс.: стѫза. Ев. Григоровича XII в.: мѫзда, въздѫхнѫ, тѫмница.

Замѣна а черезъ ѫ и наоборотъ, свидѣтельствующая о томъ же: Октоихъ XIII в. (Юж. Слав. Акад.): житиѫ (р. ед.), нѫ древѣ, разлѫки (тв. мн.).

Смѣшеніе ѧ и ѣ, е, свидѣтельств. о томъ же: Бол. Пс.: авлѣ̂ (1 ед. наст.). Охрид. Ап. XII в.: въспрѣ̂нѫвъ. Октоихъ XIII в.: славлѣ̂, авѣ̂ (1 ед. наст. = явлю), небеса радуѐтса, обнавлѣѐтса (3 лиц.). Здѣсь ѣ и е на мѣстѣ среднеболгарскаго ѧ, замѣнившаго древне-ц.-сл. ѩ.

Мѣна ы и и указыв. на отвердѣніе звуковъ ы и и: Охр. Ап. XII в. силенъ си (= сы), Бѣлградск. Ев. XII-XIII в.: посланиѫ, избывши, свѣтилнѝкъ. Мак. Ап. XIII в (и вм. ы чаще, чѣмъ наоборотъ): воздыхание, азыкомь, повынень, абык.

Формальныя особенности.

Склоненіе именъ ж. р. Среднеболгарскій изводъ смѣшиваетъ разныя падежныя формы, употребляя одну вм. другой: Винит. ед. вм. именит.: запись Паремейника 1294-1320: написаса книгѫ сиѧ (вм. синѫ); Октоихъ XIII в.: земѧ (вм. -ѭ) подвижаса, бурѧ, смѫщаеть, стѣнѫнамь ки. Имен. вм. винит. ед.: клатва разориво, плаваѧ пѫчина (ц.-сл. глаголъ плавати часто дѣйств. залога). Вин. вм. другихъ падежей: Синаксарь 1330: сѫщихъ въ темницѫ (вм. мѣст. пад.).

Членныя имена прилагательныя, оканчивающіяся въ ц.-сл. на аего, уему, имѣютъ въ род. ед. оконч. ого (рѣдко) и въ дат. ому (часто) даже въ мягкомъ склоненіи: Охр. Ап. сѫщому, хотѧщому. Иногда встрѣчаемъ искусственно образованныя формы съ двумя о, въ родѣ хотѧщоому.

Рядъ формъ именъ сущ. мн. чис. со вставкой ов. Формы въ родѣ богове есть въ собственно ц.-сл. памятникахъ, но въ среднеболгарск. изводѣ, сверхъ этого, ов- является въ дат., вин., твор., мѣст. мн.: боговомъ, боговы, боговѣхъ - съ XIII в.; въ XIV эти формы вполнѣ обычны: Мак. Ап. XIII в.: грѣховы (тв. мн.); другіе памятники: градовомъ, -ы, -ѣхъ и пр.

Им.-вин. мн. на ие. Это окончаніе въ ц.-сл. видимъ только въ склоненіи основъ на ь: гость, звѣрь - гостие:.. Въ среднеболг. изводѣ это окончаніе употребительно въ склоненіи всѣхъ именъ муж. р. мягк. склон.: мѫжие, стражие. Ев. Григор. XII в.: юдеие, архиереие. Тоже и въ вин. пад. Октоихъ XIII в.: вѣнчѣвая, побѣдителие, поставиша стражие.

Сокращеніе мѣстоименныхъ формъ: род. вм. его-го, вм. ему-му. Охр. Ап. скажѫ му.

Теперь пополню сказанное указаніями на формы спряженія. Какъ извѣстно форма 2 л. ед. ч. наст. вр. въ ц.-сл. текстахъ имѣетъ окончаніе ши; въ сред.-болгарс. она оканчивается изрѣдка на шь: Иверское Ев.: стоишь, Стамазовское Ев. XIII в.: грядешь. Что касается формы 1 л. мн. ч., то въ Болон. Пс. мы имѣемъ: есме (ц.-сл.: есмъ, -ы); Охрид. Ап.: имаме, вѣруеме. Это оконч. мы находимъ и въ фор. прош. врем.; въ Бол. Пс.: быхоме (аор.). Далѣе форма аориста начинаетъ смѣшиваться съ формою имперфекта въ 3 л. мн. ч., Болон. Пс.: навыкохѫ (вм. шѧ), положихѫ (шѧ), съгрѣшихѫ (шѧ); Ев. Григоров. XII в.: срѣтохѫ. - Въ причастіи мы имѣемъ замѣну оконч. ы черезъ ѫ, изрѣдка встрѣч. въ ц.-сл. памятникахъ (Ассем. Ев.); она въ средне-болгар. очень нерѣдка; Болон. Пс.: сѫи (сыи), пасѫи (сый); Паремейникъ Григоров.: живѫи. Кромѣ того, прич. страдат. имѣетъ часто два н: дѣланнъ. Прич. на ннъ и въ ц.-сл. текстахъ встрѣчается, но довольно рѣдко, съ оконч. нѣнъ (Синайс. Пс.); въ средне-болгар. распространеніе его съ каждымъ вѣкомъ сильнѣе, и въ XIV в. оно весьма обыкновенно. Сверхъ этихъ особенностей, среднеболгар. тексты унаслѣдовали отъ ц.-сл. смѣшанное употребленіе ъ и ь, ѣ и я, я и а, ѫ и ѭ, ьл и пр. и ь. Изъ средне-болгар. памят. мы не находимъ ни въ одномъ какой бы то ни было правильности въ употребленіи ъ и ь; есть памятники, гдѣ употребляется или одинъ ъ или одинъ ь. Смѣшеніе я и ѣ въ средне-болг. памят. еще рѣзче, чѣмъ въ ц.-сл. памятникахъ. Такъ въ Паремейникѣ Григоровича употребленіе я и ѣ вполнѣ безразличное: врямѧ, кончѣти; Македон. Ап. почти не знаетъ я (одно ѣ); въ Париж. стихирарѣ одинъ ѣ. Употребленіе ѫ и ѭ въ сред. болг. памят. также очень смѣшанно, и чѣмъ новѣе памятникъ, тѣмъ ѭ рѣже.

Ц.-сл. тексты имѣютъ слова часто и съ л при губныхъ и безъ л: земля, земя; въ средне-болгар. также, но слова безъ л постепенно преобладаютъ.

Теперь является вопросъ: какого происхожденія эти особенности средне-болгар. памятниковъ. Отвѣтъ: они вошли въ ц.-сл. языкъ изъ живого болг. XII–XIV вв. Всѣ они находятся въ памятникахъ съ живымъ болгарскимъ яз., въ „Троянской притчѣ" XIV в. (переводнаѧ

съ какого-то романскаго яз.) разсказъ о троян. войнѣ или болг. грамоты XIII–XIV в. Эти памятники показываютъ намъ, на сколько болгарскій яз. XIII–XIV в. отдалился отъ ц.-слав. Изъ нихъ мы видимъ, что смѣшеніе падежей въ болг. яз. XIV в. было почти полное: падежныя формы мало различались и одна и та же форма могла имѣть разное значеніе. Трояна пр.: възѧ Бриженида (вин. п.) госпождѫ; (род.=вин.) тѫѧ ношь; за оны кошуты (коза, лань: род. въ знач. вин.); за своѫ дщерь Цвѣтаны госпождѫ. Тоже въ склон. мужск. род.: на рѫкѫ Шишмишеви (дат.=вин.). — Грамата царя Іоанна Шишмана 1379 г.: всего (вм. всему: род. вм. дат.) ему достоанию. Изъ нихъ также видно, что въ XIII–XIV в. были употреб. сокращ. формы буд.: (нещѫ = не хощѫ) Троян. пр., не щѫ тебе оставити. — Грам. царя Іоан. Асѣня (XIII в.): милости не щеть имѣти.

Далье въ тѣхъ же болг. памят. въ склоненіи именъ прилаг. мы можемъ отмѣтить полное господство формъ: род. на ого, дат. на ому, мѣст. п. — омъ; въ склоненіи мѣстоим. сокращ. формы: го (=его), му (=ему), въ спряженіи си = еси и тому подоб.

Т. о. въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій болгар. яз. сильно отдалился отъ ц.-сл. какъ въ звукахъ, такъ и въ формахъ, и сверхъ того въ словарѣ. Разница между ц.-сл. книжнымъ и народнымъ яз. въ XIII–XIV в. стала настолько велика, что у болгаръ различается уже языкъ словѣнскъ и языкъ блъгарьскъ, т. е. болгары уже не признаютъ ц.-сл. яз. за свой родной. Мнѣніе образов. болгаръ о ц.-сл. яз. особенно хорошо видно изъ сочиненія Константина Философа или Костенчскаго (перв. полов. XV в.), который родился въ Болгаріи, но долго жилъ въ Сербіи и здѣсь осербился. Это трактатъ объ орѳографіи для Сербовъ: „сказаніе о письменехъ". Здѣсь Конст. разсуждаетъ, что такое ц.-сл. яз.; онъ говоритъ: одни считаютъ его за сербскій, другіе — за болгарскій, но это невѣрно: славные мужи, первые переводчики выбрали для перевода Свящ. Пис. „тончайшій и краснѣйшій" рускый" яз., придавъ ему въ помощь другіе славян. яз.: болгарскій, сербскій, хорватскій, боснійскій, словенскій, чешскій. Ц.-сл. слова и выраженія: слышание (е=ѧ), пастырие, достоание, господеви, срачица, глумляхе (е=ѧ), по мнѣнію Конст. — русскія. Процессъ образованія ц.-сл. яз., по мнѣнію Конст., былъ таковъ: основаніе его русскій яз., но „яже рускымъ не вмѣстишесе", тамъ онъ дополненъ на помощь дру-

гими славян. языками: сербскимъ, болгарскимъ и т.д. смотря по надобности. При отдаленіи живого болгар. яз. отъ ц.-сл. переписчики ц.-сл. текстовъ, болгаре, плохо понимали эти посл. Особенно при перепискѣ искажались богослужебныя книги и дурно (буквально) переведенныя творенія свв. отцовъ. По словамъ Константина, къ XIV в. „въ тырновскихъ странахъ" (и вообще „въ болгарѣхъ") письмена „растлѣшеся и погибла была суть." Сверхъ того, къ 14 в. ц.-сл. богослужебныя тексты уже не соотвѣтствовали греческимъ текстамъ, такъ какъ переводъ ихъ былъ сдѣланъ въ 9 и 10 в., а послѣ этого времени у Грековъ явилось много новыхъ пѣснопѣній, явились новые богослужебные „уставы". Поэтому стала чувствоваться потребность въ исправленіи богослужебн. книгъ. Оно было произведено подъ руководствомъ патріарха Евѳимія. Это была очень авторитетная и популярная въ свое время личность, славившаяся своимъ книжнымъ образованіемъ. Сначала онъ жилъ, повидимому на Аѳонѣ; въ 1375 г. онъ былъ назначенъ патріархомъ Тырновскимъ. По словамъ Констан., Евѳимій былъ „великый художникъ словѣньскыхъ писменъ"; для другого младшаго современника своего Григорія Цамблака онъ былъ „великый Евѳимій". Евѳимій работалъ не одинъ, т.е. имѣлъ товарищей и учениковъ, неизвѣстныхъ большей частью по именамъ. Изъ нихъ мы знаемъ Кипріана впослѣдствіи митрополита Московскаго, тоже „великое свѣтило", пользовавшееся въ Болгаріи большою славою (см. разсказъ Цамблака въ надгробномъ словѣ Кипріана о встрѣчѣ его въ Болгаріи). Работы Евѳимія состояли: 1) въ переводѣ на ц.-сл. яз. тѣхъ греч. богослужеб. и другихъ текстовъ, которые раньше переведены не были, 2) въ исправленіи старыхъ переводовъ по греческ. оригиналамъ, 3) въ установленіи грамматики и орѳографіи ц.-сл. яз. Свѣдѣнія объ нихъ у насъ ничтожны; несомнѣнно вновь были переведены: уставъ литургіи Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и преждеосв. даровъ, составленной патр. Филоѳеемъ, чинъ литургіи ап. Іакова, молитвы патр. Филоѳея, Минея служебн. Тактиконъ Никона Черногорца и нѣкоторыя другія сочиненія свв. Отцевъ. Переводъ устава Филоѳея дошелъ до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ и съ разными надписаніями. Въ одной болгарской рукописи его мы находимъ въ заглавіи: „Евѳимія патріарха"; въ одной русской: „Кипріана митрополита Московскаго." Вѣроятно и Евѳимій и Кипріанъ оба потрудились надъ переводомъ устава, одна редак-

ція его принадлежитъ одному, а другая, исправленная — другому.
Что касается исправленія старыхъ ц.-сл. текстовъ, то оно было произведено въ обширныхъ размѣрахъ. Исправлены были книги: евангеліе, апостолъ, разныя книги богослужебныя и священнаго писанія, святоотеческіе труды и даже хронографы (Георгія Амартола). Установленіе грамматическихъ и орѳографич. правилъ ц.-сл. яз., судя по словамъ Константина, принадлежитъ Евфимію, онъ написалъ большой трактатъ по грамматикѣ и орѳографіи — „потщасе списати утвержденіе писменемъ", какъ „въ греческихъ писаніехъ обрѣтаетсе", гдѣ было много оригинальнаго и лишь „изъявленія нѣкая" были взяты у грековъ; трудъ этотъ не дошелъ до насъ. Кромѣ того принялъ мѣры для распространенія исправленныхъ книгъ и изъятія изъ употребленія старыхъ неисправленныхъ и заставилъ писцовъ придерживаться своей грамматики и орѳографіи; какъ сдѣлалъ — неизвѣстно. По словамъ Конст. не только въ Терновѣ, но и въ гречес. части Болгаріи, даже на Аѳонѣ было запрещено „невѣждамъ" переписывать книги, и было предписано переписчикамъ переписывать не иначе, какъ съ разрѣшенія митрополита или другого представителя церковной власти. Прежде всего были введены новоисправленныя книги, конечно, въ Трновѣ; во времена Конст. „Трънов-скыи" (текстъ) совершенно „истлѣлисе" и „прослувсе по всѣхъ странахъ".
Обратимся къ языку этихъ „добрыхъ" терн. текстовъ. Не слѣдуетъ думать, что Евфимій старался возстановить древній ц.-сл. яз.: онъ едва ли зналъ очень древніе тексты. Во всякомъ случаѣ языкъ его исправленныхъ текстовъ — средне-болгарскій. Изъ особенностей его можно отмѣтить мѣну юсовъ: въ началѣ словъ: ѧ всегда замѣняется черезъ ѫ: ѫзыкъ; если два юса сходятся вмѣстѣ, то ѫ впереди, а ѧ позади (вин. ед.): добрѫѧ. Вообще у Ев. здѣсь тоже, что въ средне-болгар. языкѣ: плътиѧ (тв.), дръжѫ (прич.), идолскыѫ (ѧ — род. п.).
ы и и у Ев. употребляются вполнѣ правильно, но есть исключенія въ нѣкоторыхъ словахъ, съ которыми Евфимій видимо не совладалъ: возпилати, нинѣ всегда съ и.
Послѣ л, м, н у него — ѣ (вм. нашего я) постоянно; послѣ шипящи ѣ и а (чаще а), послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ я: яко. Вм. я часто а: мн. ч.: своа, доброа, покаатися. Далѣе мы имѣемъ очень частое употребленіе е вм. ь въ извѣстныхъ случаяхъ (гдѣ въ ц.-сл. яз. въ

слѣдующемъ слогѣ исчезли ъ, ь, и): дверь, съгласенъ, человѣколюбецъ, позе- зенъ.

Звукъ о вм. ъ въ тѣхъ же случаяхъ — рѣшке: црьковь.

Въ ц.-сл. текстахъ употребляются и: ья, ье и т. п. и: иа, ие; у Евѳимія вполнѣ послѣдовательно иа, ие: велиа, діаконъ, велие, абие.

Окончаніе ыи, употребительное въ ц.-сл. памятникахъ, у Ев. не употребляется. Онъ пишетъ или ии (велии) или еи (велеи, людеи лѣченеи).

Оконч. им. ед. (темный) также употребительное въ ц.-сл. памят., у Ев. не встрѣчается.

л при губныхъ у Ев. всегда на своемъ мѣстѣ: земля (земя не употреб.), управляти (управяти не употребл.).

Наконецъ Ев. различаетъ ѕ и з и — довольно хорошо: ѕѣло, ноѕѣ, ѕвѣзды; но есть и неправильности: ѕиждѫ, надо: зиждѫ.

Падежныя формы у Ев. правильныя ц.-слав., смѣшенія ихъ у него нѣтъ.

Въ склоненіи прилагат.: род. п. оканчивается на аго, ааго, но дат.-только на ому (а не уму). Гдѣ шипящ. и щ передъ оконч., тамъ мы всегда имѣемъ о, ому, а не е, ему.: идѫщитому.

Въ склон. мѣстоим. только древнія полныя формы его, ему.

Именныя формы мн. ч. на ове и т. д. Евѳиміемъ сохранены: градове, градовомъ, градовы; сынове, сыновомъ. Довольно часто имѣемъ формы мѣст. п. мн. ч. на охъ: о презвитерохъ и діаконохъ.

Формы мѣст. п. ед. ч. словъ на іе имѣютъ одно и, чѣмъ отличаются отъ им. п. мн. ч.: о здрави, о сѫгрѣшени (но: добріи, слѣпіи). Слово братіа склон. по мн. ч., можно сказать — по русски; дат. п. — братиамъ, тв. — ами.

Имена числит. склоняются иначе, чѣмъ въ ц.-сл.: род. п. триехъ (им. п. трие), пятихъ, шестихъ, седмихъ; дат. п.: триемъ, пятимъ, шестимъ, седмимъ.

Спряженіе у Ев. сравнительно съ ц.-сл. упростилось значительно: формы аор. архаич. (сильн. и сигматич.) — выкинуты, формы супина-тоже (вм. нихъ — неопр.)

Форма 3 л. мн. ч. аор. установлена съ окончаніемъ ша.

Форма 3 л. ед. наст. вр. безъ тъ; на е: несе, и а (аа): има изъяты изъ употребленія. 2 л. ед. ч. у Евѳимія отъ есмь всегда по древнему: еси.

Фор. прич. наст. съ оконч. ѫ, въ родѣ: несѫ, стѫи, у Ев. не употребляются, но если передъ ѫ (гласная: почиваѫи — оставлены.

Прич. на нихъ у Евѳ. получили полное преобладание. Сверхъ граммат, исправлено и правописание. Евѳ. ѣ употребляетъ исключительно въ середине слов, а ь на концѣ.

ѥ (ке) и ѭ имъ уничтожены.

Далѣе имъ введены и получили широкое распространение буквы: ѳ, ѵ, ѯ, ѱ, введены ударения и придыхания, между прочимъ для того, чтобы различать одно и тоже слово въ разныхъ значенияхъ.

Вообще Евѳимий взялъ изъ средне-болгар. яз. то, что въ немъ было особенно часто употребительно, при чемъ онъ не воспользовался помощью других слав. яз., хотя въ его языкѣ есть кой-какия уступки народ. яз., но онѣ незначительны и случайны, и потому можно сказать, что онъ не имѣлъ въ виду сблизить книжный ц.-сл. яз. съ живымъ яз., такъ чтобы онъ сдѣлался понятнымъ для народа.

Эпола Евѳимия была блестящей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдней въ развитии литературы у болгаръ на ц.-славянскомъ яз. Въ 1393 г. Търновъ былъ взятъ и разграбленъ турками, Евѳимий былъ удаленъ въ Македонию, гдѣ въ ссылкѣ и умеръ. Его ученики и послѣдователи или совсѣмъ прекратили дѣятельность, или же дѣйствовали внѣ Болгарии, въ других славян. странахъ. Григорий Цамвлакъ, напр., дѣйствовалъ въ Молдавии, въ Сербии (гдѣ былъ игуменомъ Деченскаго монастыря) и въ Ю. России (въ которой былъ митрополитомъ). Болгария XV в. не оставила намъ никакихъ сколько-нибудь замѣчательныхъ памятниковъ литературы и письменности; мы почти совсѣмъ не имѣемъ несомнѣнныхъ болгарскихъ рукописей того времени, повидимому датированныхъ мѣстностями Болгарии. Переписка книгъ въ XV-XVI в. сильно сократилась, и если еще продолжала существовать на Аѳонѣ и на Западѣ Болгарии, въ Македонии, то уменьшилась до крайности на востокѣ. Вообще относительно употребления ц.-сл. яз. у болгаръ во 2-й полов. XV в., тѣмъ болѣе въ XVI и XVII в. мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣний и можемъ несомнѣваться лишь въ одномъ, что они употребляли старыя книги средне-болгарскаго извода, какъ написанныя прежде въ Болгарии, такъ написанныя или напечатанныя на Аѳонѣ, въ Молдавии, въ Вильнѣ.

Ц.-сл. яз. средне-болгарскаго извода послѣ падения независимости Болгарии продолжаетъ жить у Румынъ (въ Молдавии, Валахии и Трансильвании), которые приняли христианство, вѣроятно, изъ Болгарии и

издревле пользовались церк.-славянскими текстами. Но они только переписывали ц.-сл. книги по преимуществу книги богослужебныя, гораздо рѣже творенія свв. отцовъ и другія имъ подобныя сочиненія; т. наз. сборники молдавскаго происхожденія очень рѣдки.
Число молдавскихъ рукописей довольно значительно (нѣкоторыя изъ нихъ съ датами).
Мы укажемъ изъ нихъ датированныя:
1. Минея 1530 г., написанная въ монастырѣ Путна въ Трансильваніи, принадлежитъ теперь Московскому Румянцевск. Музею.
2. Служебникъ 1532 г. (съ румынскими приписками), написанный по благословенію митр. Сучавскаго для Зографскаго монастыря на Аѳонѣ, но почему-то оставшійся въ Молдавіи, а оттуда перешедшій въ Россію; находится въ библіотекѣ Соловецкаго монастыря (теперь при Казан. Дух. Акад.)
3. Псалтирь въ собраніи Хлудова съ очень интересной датой; одинъ разъ она обозначена: ЅѰКА ГОДА, другой разъ: РОКꙊ ЅѰК. Нѣкоторые (Поповъ, Срезневскій) согласно этой датѣ считаютъ ее написанною въ 1212 г.-13 г. Но по нашему мнѣнію, здѣсь Ѱ (700) по ошибкѣ или опискѣ стоитъ вм. Ѧ или Ц (900); поэтому рукопись относится не къ 1212 г.-13 г., а къ 1412-1413 г. Слово „року" указываетъ на эпоху западно-русскаго вліянія въ Молдавіи; румынскія приписки указываютъ на ея нахожденіе у румынъ; письмо-обыкновенное молдавское, которое вовсе не похоже на болгарское XIII в.; правописаніе - евѳиміевское.
Молдавскіе тексты не даютъ почти ничего своего въ языкѣ и орѳографіи; ихъ особенности - особенности средне-болгарскаго извода, евѳим. редакціи, уже отмѣченныя нами. Это 1) мѣна Ѧ и Ѫ, 2) Ъ при л, н и р, 3) е и о въ извѣстныхъ случаяхъ на мѣстѣ ь и ъ, 4) формы дат. п. мн. ч. на -овомъ: боговомъ, 5) фор. тв. мн. на овы: боговы и т. п., 6) употребленіе ъ въ серединѣ словъ и ь въ концѣ словъ. Кромѣ того, въ молдавскихъ текстахъ употребляется масса разныхъ знаковъ. Особенность молдавскихъ текстовъ сравнительно съ болгарскими евѳ. редакціи - значительное количество случаевъ неправильнаго употребленія падежей. Напр. въ Минеѣ 1530 г.:

приде въ землю (вин. п.) халдеискѫѧ
съ хараламбіе (вм. родит. п.)
Єзера плѣнꙋ сѫщꙋ (дат. самост.)
тъмыимь богы гнѫшатисѧ

стѣнны книгамь научився
ѿ епископа ѿ вьсе множьство.

Случаи такого неправильнаго употребленія падежныхъ формъ настолько часты, что нельзя ихъ считать происшедшими отъ описокъ (тѣмъ болѣе, что писецъ Минеи вообще очень аккуратенъ). Можно бы это объяснить тѣмъ, что писецъ былъ румынъ, не знавшій ц.-сл. яз. Но едва-ли не вѣрнѣе допустить, что писецъ хорошо владѣлъ живымъ болгарскимъ яз. своего времени и вносилъ его особенности въ текстъ. Мы видѣли уже смѣшеніе падежныхъ формъ въ болг. текстахъ и раньше (въ Троянской притчѣ). Далѣе, въ Минеѣ мы имѣемъ такія особенности, которыя можно отнести только на счетъ знанія переписчикомъ живого болгарскаго яз. того времени. Вотъ нѣкоторые несомнѣнные болгаризмы: 1) смѣшеніе ы и и; напр.: забивше, кость ради вины (вм. вины), въ священнычьствѣ, 2) употребленіе ѧ вм. е; напр.: успѧ (аор.) землѧѫ (тв. п.). Еще одинъ болгаризмъ въ Псалтыри 1412-13 г. – употребленіе ѣ вм. ѧ, напр. въ причастныхъ формахъ: сѫдѣи, възносѣи, изгонѣщеи.

Подобные болгаризмы встрѣчаются и въ грамотахъ молдавскихъ и валашскихъ господарей и воеводъ. Такъ, въ грамотѣ воеводы Влада 1439 г. читаемъ: выше, мыто, свѣтлымъ; въ грамотѣ воеводы Стефана 1460 г.: што сѣ важить, тѣтнулъ. (ѣ вм. ѧ представляетъ болгаризмъ, у вм. ѫ – руссизмъ). Въ грамотѣ друг. Стефана 1522 г.: прѧдковъ (ѧ вм. ѣ). Въ грамотахъ также часто встрѣчается смѣшеніе падежей. Такъ, въ грамотѣ Мирчи къ XIV в. (оч. старомъ документѣ) находимъ: ѿ господство ми.

Румыны рано и въ большомъ количествѣ стали печатать ц.-сл. книги. Первыя печатныя кирилловскія книги на ц.-сл. яз., изданныя въ Краковѣ Швайпольтомъ Фіолемъ въ 1491 г. (и около этого года), содержатъ въ себѣ богослужебныя ц.-сл. тексты средне-болгарскаго извода. Наборщики и корректоры, работавшіе у Фіоля были, по всей вѣроятности, русскіе; отсюда небольшая примѣсь въ языкѣ этихъ книгъ русскаго элемента, которая одна и отличаетъ эти черты отъ другихъ молдав. текстовъ того же времени.

Можно думать, что Шв. Фіоль работалъ по заказу Румынъ. Чисто румынскія печатныя изданія ц.-сл. книгъ слѣдуютъ почти немедленно за изданіями Фіоля; они тянутся черезъ весь XVI в. и переходятъ въ XVII в. (особенно развилось книгопечатаніе въ Валахіи и Трансильваніи). Уже во 2-й поло-

вѣкѣ XVI в. ревнители духовнаго просвѣщенія у румынъ находятъ нужнымъ къ ц.-сл. текстамъ присоединять румынскій переводъ (дьяконъ Кореси). Въ XVII в. особенно во 2й половинѣ знакомство румынъ съ ц. сл. яз. окончательно падаетъ.

Сербы.

Прежде чѣмъ излагать судьбы ц.-сл. яз. у Сербовъ укажемъ на ихъ дѣленіе. Нужно различать 1) сербовъ православныхъ (Балк. полуост., составляющихъ большую часть всѣхъ сербовъ), 2) босняковъ-богомиловъ, впослѣдствіи католиковъ, 3) хорватовъ, давно католиковъ, но сохранявшихъ и даже сохраняющихъ ц.-сл. яз. въ богослуженіи и пользующихся глаголицей.

Древнѣйшій памятникъ ц.-сл. письменности у сербовъ — ц.-сл. Маріинское Ев., о немъ мы говорить не будемъ. Послѣ него древнѣйшія ц.-слав. рукописи сербскаго происхожденія евангелія: 1) Волканово (принадлежитъ Имп. Пуб. библ.) и 2) Мирославово (на Аѳонѣ, также въ Публ. библ.). Оба они безъ датъ, но время ихъ написанія опредѣляется (по именамъ лицъ, для которыхъ они написаны) или концомъ XII или самымъ началомъ XIII в. Памятники ц.-сл. яз. сербск. происхожд. XIII–XIV в. уже сравнительно многочисленны, нѣкоторые изъ нихъ съ датами. Волк. и Миросл. Ев. имѣютъ уже всѣ главнѣйшія особенности яз. ц.-сл. сербскаго извода, вошедшія изъ живого народнаго говора. таковы:

1) употребленіе у вм. ѫ (ѫ еще изрѣдка встрѣчается): Волк. Ев. сꙋдня (рядомъ жѫже, ѫ вм. ꙋ).

2) употребленіе є вм. ѧ и иногда наоборотъ: иночедѣ, дивеса.

3) употр. и вм. ы и иногда наоборотъ: слиша.

Сверхъ этихъ чисто сербскихъ особенностей, встрѣчаются въ языкѣ этихъ памятниковъ и особенности и позднѣйшіе церковно-славянизмы, а именно:

1) употребленіе о на мѣстѣ ъ (гдѣ по сербски должно быть а); напр.: цр҃ковь, собраше.

2) употр. е на мѣстѣ ь: равень (сербск. раван)

3) употр. ѣ на мѣстѣ ꙗ. напр.: ѣко, иꙁдраилѣ (р. п.), убоѣшеса, въстаѣше.

Затѣмъ есть въ нихъ особенности средне-болгарскаго извода. Это произошло, по всей вѣроятности, потому, что сербскія книги списывались съ болгарскихъ оригиналовъ. Къ такимъ болгаризмамъ

относится замѣна ѫ-ѧ. Напр. въ Вълк. Ев.: издаѧ послѣдньнѫѫ цѣтѫ.
Къ болѣе мелкимъ особенностямъ старшихъ ц.-сл. текстовъ сербскаго извода относятся:

1) смѣшеніе ѣ и ѣ; напр. въ В. Ев.: по вьсѣи сүрии, ѿвѣща, камень велѣи (ѣ и ѣ строго различаются въ памят. сред.-болг. извода).

2) употр. в вм. ү и ү вм. в; напр.: вьжасошеѥ, үста (= вьста).

3) смѣна п и ф: парисѣи. Смѣшеніе это особенно часто; въ иныхъ памят. п и ф употребляются какъ разъ наоборотъ ихъ обычному правильному употребленію.

4) оконч. дат. п. ед. ч. им. прил. на ому.

5) род. и мѣст. п. дв. ч. им. прил. на ою; напр.: ѿою праведнику. Наконецъ встрѣчается употребленіе ю вм. ү и наоборотъ: Мирослав. Ев.: средѹща, мѹжь, сѹбота, бѹдеть, плють.
Изъ особенностей орѳографическихъ бросается въ глаза преобладаніе ь (ъ въ древнѣйшихъ памят. рѣдокъ, въ болѣе позднихъ - совсѣмъ не встрѣчается).
Болѣе поздніе ц.-сл. тексты сербскаго извода XIII и XIV в. заключаютъ въ себѣ также какъ особенности сербскаго яз., такъ и болгаризмы.
Главнѣйшіе сербизмы въ звукахъ, которые нами не отмѣчены раньше:

1) употр. а на мѣстѣ ъ; напр.: санъ (ц.-сл. сънъ, русск. сонъ).

2) употр. к на мѣстѣ шт и г на мѣстѣ жд; напр.: свѣкѧ, мегю.

3) употр. р какъ гласнаго (сравнительно часто); напр.: смрть (въ поученіяхъ Конст. Болгар. XIII в.)

4) употр. ү на мѣстѣ гласн. л (= нашему ол, ел); напр.: вүна (= волна). Иногда встрѣчается соединеніе и того и другого написанія; напр. въ Апостолѣ 1277 г.: слүньцьнык (ц.-сл. сльнь — ; серб.: сунце = солнце).

Особенности въ формахъ:

1) оконч. тв. п. ед. ч. ж. р. на овь, евь и омь, емь. Напр.: землевь, страновь.

2) оконч. род. мн. ч. на ьь (ьь = нын. серб. оконч. на а̄); напр.: отъ старьцьь.

3) оконч. 1 л. мн. ч. аор. на смо; напр.: въ поученіяхъ Конст. Болг.: приготовасмо.
Такія особенности (какъ употр. а вм. ъ, оконч. на ьь (= а̄)), перешедшія въ литературные памят. изъ живой сербской рѣчи, встрѣ-

чатория также въ памяти съ чистымъ серб. яз. — законникъ Стефана Душана (половины XIV в.). Рядомъ съ ними въ ц.-сл. текстахъ сербскаго извода XIII–XIV в. есть особенности средне-болгар. текстовъ. Таковы, напр., формы род. п. ж. р. на ѫ, ю. Въ прологѣ 1370 г. читаемъ: паула и ѹлианиѫ сестри юго (ц.-сл. ѩ, сред.-болг. ѭ) преподобныѫ аѳанасиѫ чюдотворицѫ, стыѫ петьдесетьницѫ.

Реформа ц.-сл. яз., сдѣланная Евѳиміемъ, въ Сербіи нашла отзвукъ не тотчасъ. Константинъ Костенскій (въ началѣ XV в.) свидѣтельствуетъ, что въ его время въ Сербіи были еще въ ходу тексты столь испорченные переписчиками, что трудно было найти двѣ книги изъ ста сходныхъ; но онъ же свидѣтельствуетъ, что у „державнаго" (деспота Стеф. Лазаревича) были и хорошіе сербскіе тексты: „у него, говоритъ онъ, обрѣтаетсе множьство книгъ по мѣстехъ и монастырѣхъ и доліхъ". Константинъ желая распространенія Евѳиміевой реформы и на Сербію и, повидимому, съ этою цѣлію составилъ правила, какъ переписчикамъ переписывать книги и какой держаться орѳографіи. Такъ какъ соч. Евѳимія не дошло, то мы и не знаемъ, насколько сочиненіе Константина самостоятельно; во всякомъ случаѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ оно должно быть вполнѣ самостоятельно: нѣкоторыя его правила касаются исключительно сербскаго яз., напр., онъ требуетъ различенія ѣ и е, которыя лишь у сербовъ смѣшивались (у болгаръ они не смѣшивались), старается опредѣлить качество звука ѣ (сопоставляя его съ румынск. и турецк. звуками); или онъ на ꙑ смотритъ какъ на нѣкое „бремія" для Сербовъ.

Сербская письменность отъ начала ея до половины 15-го в. состояла преимущественно изъ ц.-сл. текстовъ, лишь переписанныхъ сербами; и чисто-сербскія произведенія были оч. немногочисленны. Это: 1) переводы съ греч. на ц.-сл. яз. сербскаго извода; несомнѣнно, что такіе переводы дѣлались въ Сербіи и особенно на Аѳонѣ, въ Хиландарскомъ монастырѣ, но мы, за незначительными исключеніями не можемъ отличить переводовъ сдѣланныхъ сербами отъ переводовъ болгаръ; 2) и оригинальныя сербскія литературныя произведенія на томъ же ц.-сл. яз. сербскаго извода: а) въ 13-мъ в. архіепис. сербскій Савва написалъ житіе своего отца Стефана Нѣманя, и составилъ Типикъ, т.е. уставъ мо-

назарскій; б) въ томъ же 13в. аѳонскій монахъ Доментіанъ составилъ житія Стефана Немани и Саввы; одинъ изъ ближайшихъ къ Саввѣ архіепископовъ - Даніилъ въ 1й половинѣ 14го в. написалъ рядъ житій сербск. кралей (всѣ крали у сербовъ признаны святыми) т. наз. „Царославникъ"; извѣстный намъ Константинъ въ 1й половинѣ XV в. написалъ біографію своего поправителя Стефана Лазаревича.

Рядомъ съ ц.-сл. яз. сербскаго извода у сербовъ употребляется и чистый сербскій языкъ. Такъ, хотя обыкновенно грамоты писались на ц.-сл. яз. сербскаго извода; но есть такія, которыя написаны на чистомъ серб. яз. - Законникъ Стефана Душана - на чистомъ серб. яз. Наибольшее количество списковъ ц.-сл. текстовъ серб. извода относится ко 2й половинѣ 14го и первой полов. 15го вв. Это - самое блестящее время сербской письменности. Въ это время славились „Ресавскіе" тексты, вѣроятно, списки съ Терновскихъ; эти тексты разыскиваемы были сербами въ послѣдующее время, и напр. писецъ Апостола 1538 г. говоритъ „едва возмогохомъ обрѣсти" книгу „отъ старыхъ прѣводникъ ресавскихъ, не имущихъ порока". Вѣроятно, ресавскіе тексты получили распространеніе въ видѣ печатныхъ книгъ 15го-16го вв. Сербскія книги печатались въ Цетинѣ, затѣмъ въ разныхъ сербскихъ монастыряхъ и особенно въ Венеціи. Первая печатная сербская книга - Октоихъ 1493 г. Рядомъ съ печатными книгами сербы XVI-XVII вв. имѣли довольно значительное количество рукописныхъ текстовъ глав. образ. богослужебныхъ.

II. Боснійскіе сербы.

Вторая часть сербскаго племени - боснійскіе сербы, еретики-богомилы. Они не имѣли почти совсѣмъ сношеній съ правосл. сербами и болгарами, и не могли отъ нихъ дѣлать заимствованій; они пользовались кириллицей и отъ нихъ дошло до насъ небольшое количество рукописей 14 и 15 вв.; между проч. Четвероевангеліе (x) (въ Пуб. библ.), написанное „христіаниномъ" Твръткомъ; здѣсь передъ нами чистый, безъ средне-болгарскаго элемента, ц.-сл. яз. серб. извода. Боснійскіе тексты находятся въ тѣсной зависимости отъ ц.-сл. памят. или глаголическихъ или кирилловскихъ въ родѣ Листковъ Ундольскаго (съ одними ѣ, безъ ѩ). Поэтому въ боснійскихъ рукописяхъ 1) на мѣстѣ нашего ю всегда стоитъ ѣ, напр. бѣити, бѣзъ; 2) ѣ - также

(x) Изъ рукописей, собранныхъ Гильфердингомъ.

употребляется тамъ, гдѣ у насъ и болгаръ (звѣзда и т.п.); 3) ѣ у нихъ постоянно смѣшивается съ е, и пишется вм. е (древняго и изъ ѧ): сѣдѣ, обрѣщу; 4) ѣ часто ставится вм. и (древняго и изъ ы), вслѣдствіе произношенія ѣ юж. и: влазѣка;
Рядомъ съ ѣ замѣчается у боснійцевъ широкое употребленіе ь: онъ 1) употребляется вм. ц.-сл. ъ и 2) смѣшивается постоянно съ а напр. испыть(а), стрьна(а), тьйна(а), и обратно — повинань(ь), стаза(ь); далѣе 3) юж. и у сербовъ, у боснійцевъ мѣняются у и в: „гласъ у Рама слишанъ." Т.о. боснійскіе рукописи нѣсколько отличаются отъ собственно-сербскихъ.

Сербскія рукописи боснійскаго извода продолжаются и послѣ 15-го в., но получаютъ особый характеръ: богомилы въ это время принимаютъ католичество; у нихъ появляются монахи-францисканцы, которые употребляютъ кирилловскую азбуку, нѣсколько видоизмѣненную буквицу; они дѣлаютъ переводы съ латинскаго, но уже на чистый сербскій языкъ, изрѣдко на смѣсь ц.-сл. съ сербскимъ.

III. Хорваты.

Хорваты, принявшіе рано католичество и подпавшіе подъ власть нѣмцевъ и угровъ, остались при глаголицѣ: у нихъ уцѣлѣли богослужебныя книги кирилло-меѳодіевскихъ временъ, и нѣкоторые другіе (немногіе) тексты на ц.-сл. яз. (апокрифы, житія и т.п.) Хорватская письменность на ц.-сл. яз. сначала была незначительна по объему; древніе памятники ея оч. малочисленны; (она не могла пополнятся вслѣдствіе различія азбукъ, т.к. юж. глаголица въ 12 в. уже перестала употребляться на балк. полуостровѣ и особенно вслѣдствіе различія и острыхъ отношеній вѣроисповѣданій). Т.о. Хорваты изолированы. Ц.-сл. богослуженіе у хорватовъ сначала преслѣдовалось со стороны латин. духовенства: въ 10 и 11 вв. было въ Далмаціи нѣсколько помѣстныхъ соборовъ, запрещавшихъ это богослуженіе; но потомъ оно было разрѣшено папой Иннокентіемъ IV (XIII в.). Вѣроятно, вслѣдствіе разрѣшенія слав. богослуженія хорватскіе списки ц.-сл. богослужебныхъ текстовъ 14-го и 15-го вв. — довольно многочисленны. Они писаны особою глаголицею, хорватскою, которая представляетъ собой видоизмѣненіе старой глаголицы, происшедшее подъ вліяніемъ латинскаго

писька. Печатныя изданія тѣхъ же текстовъ, глаголицею, появляются у хорватовъ рано; первое изъ нихъ (Миссалъ) относится къ 1483 г., главное мѣсто печатанія хорватскихъ текстовъ въ XV и XVI вв. — Венеція.

Хорваты имѣютъ довольно чистый сербскій изводъ. Главныя особенности у нихъ тѣ же, что и у сербовъ: у и е вм. ѫ и ѧ и т. д. Затѣмъ, сверхъ того: 1) а вм. ъ и ь (отацъ, дан) и 2) наоборотъ ь вм а; 3) употребленіе j вм. жд (меjа), хотя часто сохраняется и жд; 4) обширное употребленіе ѣ (= и ѣ и я), и сверхъ того 5) ѣ въ значеніи и: напр. врѣме; собственныя имена богослужеб. текстовъ у хорватовъ имѣютъ греческую форму: Исусъ, Авраамъ.

Ц.-сл. яз. у хорватовъ употребляется почти исключительно въ богослужеб. книгахъ; собственная литература хорватовъ была на народномъ яз. (писали или латиницею, или глаголицею): законы, разные документы; произведенія драматическихъ поэтовъ — на чистомъ сербскомъ яз., безъ ц.-сл. примѣсей.

Хорваты въ 14 и 15 вв. славились между славянами-католиками, т. к. имѣющіе богослуженіе на родномъ языкѣ. Вслѣдствіе этого славян. патріотизма Карлъ I, король чешскій (= Карлъ IV, императоръ германскій) вызвалъ въ Прагу монаховъ-хорватовъ, бенедиктинцевъ, чтобы они отправляли богослуженіе на славян. языкѣ. Онъ далъ имъ особый монастырь, который въ 1372 г. былъ освященъ въ присутствіи самого Карла, при чемъ было прочитано, въ первый разъ послѣ трехсотлѣтняго перерыва, евангеліе на слав. яз.; въ этомъ евангеліи упоминался Эммаусъ, отсюда названіе монастыря Эммаусскій. Карлъ любилъ этихъ монаховъ, имъ жилось хорошо, что стало къ нимъ привлекать чеховъ-монаховъ. Чехи принялись переписывать ц.-сл. тексты хорват. извода и стали, разумѣется, вводить въ нихъ чехизмы. Такъ появился ц.-сл. языкъ хорватско-чешскаго извода. Онъ между прочимъ находится во 2ой части Реймскаго Евангелія, состоящаго изъ двухъ частей: 1ой, меньшей, кирилловской — русскаго извода, и 2ой большей, глаголической — хорватско-чешскаго извода; первую, кирилловскую часть, Карлъ добылъ гдѣ-то въ Угріи и пожертвовалъ ее въ монастырь; она почему-то считалась писанною Прокопомъ Чешскимъ. Глаголическая часть была написана въ 1395 г., и писецъ-чехъ снаб-

дилъ съ затисью (глаголицей) на чешск. яз. Славянскій монастырь въ Праге просуществовалъ почти до половины XV в. Онъ устроилъ вскоръ послѣ основанія, филію въ Польшѣ; здѣсь Ягелло и Ядвига, съ разрѣшенія папы, основали въ предмѣстьѣ Кракова монастырь и поселили въ немъ вызванныхъ изъ Праги хорватовъ-монаховъ, съ тѣмъ, чтобы они отправляли славянское богослуженіе. Этотъ монастырь просуществовалъ до конца 15 в. исторія его неизвѣстна.

Судьба ц.-сл. яз. въ Россіи.

Особенности русскаго извода намъ извѣстны (у и а. вм. ѫ, ѧ и т. п.). Къ нимъ можно прибавить нѣкоторое количество словъ, въ которыхъ смѣшаны вмѣстѣ элементы ц.-сл. и русскій; это древо вм. ц.-сл. дрѣво и т. п. Уже древнѣйшие русскіе тексты, начиная съ Изборника Святославова и Миней Новгородскихъ, имѣютъ подобныя слова смѣшаннаго характера (съ е вм. ѣ); болѣе поздніе тексты, XII–XIV вв. и далѣе, имѣютъ ихъ постоянно (съ е). Только тѣ ц.-сл. слова удерживали въ русскихъ книгахъ ѣ, для которыхъ русскій яз. не имѣлъ вполнѣ соотвѣтствующихъ, это: плѣнъ (= рус. полонъ, а не пеленъ). Кромѣ того, были попытки передѣлать ц.-сл. слова съ а и ѣ (гдѣ по-русски, въ полногласіи, о), напр., въ Юрьевскомъ Ев. нач. XII в.: „плоскахху" = ц.-сл. плакаахѫ = рус. полокаху (полокати = полоскать), „тлоци" = ц.-сл. тлѣци = рус. толочь; въ Син. Патер: злотьникъ", плонима, предъ „врота" и др. Но эти попытки не имѣли успѣха.

Русскіе авторы для своихъ сочиненій постоянно употребляютъ ц.-сл. яз. насколько имъ владѣютъ: житіе Феодосія Печерскаго (Нестора); сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ (т. наз. Іакова), произведенія монаха Иларіона, Кирилла Туровскаго, Серапіона. Написаны на довольно хорошемъ ц.-сл. яз. рус. извода; степень его чистоты зависитъ отъ начитанности автора. Очень начитанные авторы, напр., Несторъ, авторъ житія Феодосія, даютъ хорошіе ц.-сл. тексты; менѣе начитанные даютъ тексты съ большимъ количествомъ руссизмовъ. Лѣтописи написаны на смѣси ц.-сл. и р. языковъ. Только документы и юридическіе памятники писаны на чистомъ русскомъ яз.; княжескія грамоты – безъ всякой примѣси ц.-сл. элемента, „Русская Правда" – также.

Авторамъ и переписчикамъ было оч. трудно опредѣлять, что пра-

вильно по ц.-сл. и что неправильно. Они не имѣли грамматикъ ц.-сл. яз. Древняя Русь знала лишь одинъ грамматич. трудъ, приписываемый Іоанну Дамаскину и извѣстный въ рукописяхъ подъ названіемъ „<u>книга философская о осьми частяхъ рѣчи</u>", въ переводѣ Іоанна, экзарха болгарскаго; но сомнительно, чтобы этотъ трудъ былъ извѣстенъ у насъ раньше конца XIV в.; вѣроятно, онъ перешелъ къ намъ изъ Болгаріи послѣ XIV в., а широкое распространеніе получилъ лишь въ XVI-XVII вв. Грамматика Іоанна Экзарха отличается общимъ характеромъ, говоритъ о языкѣ вообще, не даетъ ничего такого, что могло бы пригодиться для писавшаго по ц.-сл. русскаго автора или для переписчика. Она не имѣетъ даже таблицъ ц.-сл. склоненій и спряженій. Вслѣдствіе отсутствія грамматич. руководства и слабаго пониманія ц.-сл. яз., ц.-сл. тексты въ Россіи XI-XIV вв. сильно искажались, особенно тексты книгъ богослужебныхъ и тѣхъ твореній св. отцевъ, которыя были дурно переведены. Эти искаженія, повидимому, не замѣчались: во всякомъ случаѣ мы не видимъ въ XI-XIV вв. никакихъ попытокъ исправить богослужебныя книги, никакихъ мѣръ, чтобы заставить переписчиковъ списывать точно съ хорошихъ оригиналовъ.

Въ концѣ XIV в. возобновилось южно-славянское вліяніе на русскую литературу и языкъ. Къ половинѣ XV в. перешла въ Россію отъ южныхъ славянъ, особенно отъ болгаръ масса новыхъ ц.-сл. текстовъ, богослужебныхъ и другихъ переведенныхъ вновь съ греческаго, исправленныхъ по греч. оригиналовъ, составленныхъ самими южными славянами. Т.о. русская литература въ концѣ XIV в. какъ бы обновляется: является порядочное количество произведеній, которыя или не были совсѣмъ раньше извѣстны, или были извѣстны въ переводахъ, уже успѣвшихъ подвергнуться искаженію. Между ними къ намъ были перенесены изъ Болгаріи. Мы видимъ здѣсь <u>Тактиконъ</u> Никона Черногорца (дошелъ въ спискѣ 1397 г.), постническія слова Василія В. (въ спис. 14-15 вв.); и, вѣроятно, всѣ соч. Евфимія. Надо думать, что русскіе знали тотъ грамматически-орфографическій трудъ Евфимія, о которомъ мы говорили выше, но списковъ его не дошло до насъ; правила Евфимія были мало пригодны для русскихъ; также надо думать, что у насъ есть его передѣлки, это нерѣдко въ спискахъ XVI в.: „Сказаніе о грамотѣ русской и греческой", иначе „написаніе языкамъ

словенскимъ о грамотѣ". Въ началѣ „сказанія" — введеніе: объ изображеніи буквъ алфавита (каждая буква приписывается какому-ниб. знаменитому изобрѣтателю изъ древнихъ), далѣе идетъ главная часть: что такое буквы? какъ буквы дѣлятся? какъ употребляются и подобные знаки (надстрочные и препинанія)? затѣмъ — о частяхъ рѣчи. Граммат. правила здѣсь отсутствуютъ; главное вниманіе обращено на орѳографію: гдѣ ставить ѵ, гдѣ оу, гдѣ о и гдѣ ѡ; какъ читать ѫ (= въ началѣ и концѣ словъ ю, въ срединѣ = у) которое пишется „красоты ради, а не истины"; какъ читать ѵ (ѵ = в, ѷ = и). Кто и когда составилъ это произведеніе — неизвѣстно; писцы XVI в. рѣдко принимали его во вниманіе, даже первыя наши печатныя книги имъ не руководятся. Первое указаніе на него находится въ послѣсловіи Моск. Апостола 1644 г.; издатели этого Ап. воспользовались въ текстѣ Ап. правилами „сказанія" и въ послѣсловіи изложили ихъ, прибавивъ, что въ этихъ правилахъ нѣтъ ничего новаго и необычнаго: „ей, ей не ново и не нами убо сія вписашася, но ово убо отъ древнихъ вѣдущихъ доброписцовъ нашея великія Русіи, ово же отъ грамматическаго любомудрія" (намекъ на грамм. Мелетія Смотрицкаго). Далѣе издатели Ап. ссылаются во 2-й разъ на „древнихъ писцовъ." Болгарскіе тексты, перешедшіе къ намъ въ XIV–XV вв., принесли къ намъ ц.-сл. яз. того типа, какъ онъ вырабатывался въ Болгаріи XIV в. Онъ отличался отъ того ц.-сл. яз., который былъ у насъ въ употребленіи до XIV в. и который порядочно обрусѣлъ, тѣмъ что заключалъ въ себѣ больше ц.-сл. элементовъ, чѣмъ этотъ послѣдній. Вслѣдствіе этого русскіе списки Евангелій, Апостола XV–XVI вв. имѣютъ русскій элементъ, но онъ въ нихъ гораздо меньше, чѣмъ въ спискахъ напр. XIV в. Такъ напр. слова съ ж, ч вм. ц.-сл. жд, щ въ спискахъ XV в. несравненно рѣже, чѣмъ въ спискахъ XIV в. Усиленіе ц.-сл. элемента въ спискахъ ев. и т. п. повело къ усиленію того же элемента въ другихъ текстахъ, и даже списки такихъ памятниковъ, какъ Русская Правда, лѣтописи въ XV–XVI вв. имѣютъ гораздо больше ц.-славянизмовъ, чѣмъ списки XIII–XIV вв. Орѳографія XV–XVI вв. изобилуетъ много болгаризмами: 1) моа, твоа, добраа, 2) врѣхъ, сврьшити, плъкъ, 3) употребляется ѫ, котораго не было въ XIII–XIV вв., 4) въ концѣ словъ вм. ъ встрѣчаемъ ь и въ серединѣ словъ вм. ь, е — ъ. Переписчики XV–XVI вв. такъ же какъ ихъ предшественники пор-

тили книги не смотря на то, что послѣсловiя ихъ оригиналовъ нерѣдко предписывали ихъ списывать точно, не опуская даже „ни единой iоты или черты" (т. е. точки). Въ началѣ XVI в. Максимъ Грекъ возстаетъ противъ „растлѣнныхъ" переписчиками книгъ. Стоглавъ приказываетъ переписчикамъ переписывать „съ береженiемъ", съ хорошихъ оригиналовъ, и затѣмъ свѣрять свои списки. Но ничто не помогало, и въ послѣсловiи къ первому московскому печатному изданiю Апостола мы находимъ указанiе на недоброкачественность обращавшихся въ Москвѣ того времени текстовъ. Дѣлу трудно было помочь безъ школьнаго образованiя, безъ грамматики и словаря ц.-сл. яз. Пока ихъ не было, ц.-сл. яз. каждымъ опредѣлялся произвольно. Московскiе грамотеи, замѣчательные для своего времени по образованiю, XVI и даже XVII вв., стараясь писать по-славянски, нерѣдко дѣлаютъ крупныя ошибки въ славянскихъ формахъ и пишутъ: мы придохъ, мы слышаша. Даже московскiе справщики, издатели Апостола 1644 г., которые такъ заботились о правильности орѳографiи, въ своемъ послѣсловiи одинъ разъ соединили подлежащее-мѣстоим. 1 л. мн. ч. со сказуемымъ въ 3 л. мн. аориста: мы слуги наши уклониша. Къ чести русскихъ XVI-XVII в. надо сказать, что потребность грамматическаго знанiя уже вполнѣ сознавалась. Объ ней много говоритъ высоко-уважаемый въ свое время Максимъ Грекъ. Онъ обратилъ особенное вниманiе своихъ русскихъ современниковъ на значенiе „грамматическаго художества". Онъ въ разныхъ статьяхъ говоритъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что безъ знанiя грамматики никто не можетъ „прямо и совершенно разумѣти писуемая", что книги при перепискѣ „растлѣваются", если переписчики „не научены и неискусны въ разумѣ и хитрости грамматикiйстѣй". Онъ пишетъ особыя статьи о грамматикѣ (между проч. нѣчто въ родѣ похвальнаго слова грамматикѣ): „Грамматикiя есть начало и конецъ всякому любомудрiю, отъ нея же всяко естество творится и естество словится". Онъ говоритъ о частяхъ рѣчи, даетъ образцы граммат. разбора (молитвы „Отче нашъ"); но онъ не могъ дать грамматики ц.-сл. яз. Послѣ Максима Грека въ Москвѣ грамматич. познанiя уже цѣнятся высоко. Возникшiй во 2-й половинѣ XVI в. и широко распространившiйся въ разныхъ редакцiяхъ въ XVII в., со-

буковникъ (иначе: алфавитъ, своего рода энциклопедія) заключаетъ въ себѣ почти постоянно грамматич. статьи, всего чаще изъ грамматики Іоанна Экзарха, изъ сказанія о грамматикѣ, и извѣстную статью монаха Храбра о славян. письменахъ (послѣ половины XVII в. изъ Мелетія Смотрицкаго). Въ началѣ XVII в. грамматическія знанія считаются въ Москвѣ необходимыми для образованнаго человѣка. Арсеній Глухой, справщикъ начала царствованія Михаила Θеодоровича, когда его стали за исправленіе въ богослужеб. книгахъ обвинять въ ереси, объявилъ, что его обвинители - невѣжды, что они „не знаютъ, кои въ азбукѣ письмена гласныя и согласныя и двогласныя, а еже осмь частей слова разумѣти и къ симъ предстоящая, сирѣчь: роды, и числа, и времена, званія же и залоги — то имъ ниже на разумъ всхаживало." Повидимому въ это время московскіе дѣти проходятъ уже грамматику Іоанна Экзарха. По крайней мѣрѣ на одномъ спискѣ XVII в. (до 1648 г.) этой грамматики замѣчено, что она проходится послѣ азбуки „новоначальными учениками". Но грамматики ц.-сл. яз. въ Москвѣ все не было. Она получила начало въ юго-зап. Руси. Конецъ XVI в. былъ, какъ извѣстно, блестящею эпохою въ исторіи Польскаго просвѣщенія и литературы. Поляки имѣли большое количество разнаго рода школъ. Здѣсь изучался болѣе всего языкъ латинскій; польскимъ занимались мало; русскимъ совсѣмъ не занимались; о ц.-сл. яз. не могло быть, конечно, и рѣчи, и онъ считался у Поляковъ языкомъ „болгарскимъ". Іезуитъ Скорга въ 1577 г. объявилъ, что ц.-сл. яз. не стоитъ изучать, т.к. онъ никогда не былъ языкомъ науки. Далѣе Поляки владѣли большимъ количествомъ разнаго рода печатныхъ книгъ на лат. и польск. яз., между прочимъ библію на польс. яз. Русскіе польско-литовскаго государства до начала XVI в. были безъ своихъ благоустроенныхъ школъ. Одни изъ нихъ, получившіе образованіе въ польскихъ школахъ, старались слѣдовать за Поляками. Отсюда пренебреженіе къ ц.-сл. яз. и попытки перевести Св. Писаніе на народный русскій яз. Напр. Ев-іе Тяпинскаго (на бѣлорус. нарѣчіи), Пересопницкое 1556-61 гг. (на смѣси южно-русскаго и бѣлорусскаго нарѣчій). Остальная же масса, напротивъ, хоть не особенно хорошо понимала ц.-сл. яз., но стояла за него, т.к. за языкъ православныхъ пред-

ковъ, украшенный ореоломъ святости. Эта масса, до конца XVI в. относившаяся пассивно къ образованію, въ это время подъ вліяніемъ успѣховъ полонизаціи, католичества и уніи, вдругъ энергично взялась за школьное дѣло. Примѣръ былъ поданъ кн. Острожскимъ, основавшимъ Острожскую Академію.

Львовское, за нимъ Виленское и Кіевское братства въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. обзавелись училищами, въ которыхъ преподавались и лат. яз. съ польскимъ, но главное мѣсто въ преподаваніи занимали языки греч. и славян. или „славянорусскій". Львовская школа была основана въ 1586 г.; главнымъ учителемъ въ ней былъ грекъ, митроп. Арсеній Елассонскій. Онъ едва-ли зналъ сколько-нибудь хорошо по-славянски или по-русски; главнымъ предметомъ его преподаванія былъ греч. яз. съ грамматикой, риторикой и другими науками того времени.

Онъ составилъ для учениковъ грамматику греч. языка на греч. яз. Она была, въ переводѣ учениковъ на слав. яз., издана братствомъ въ 1591 г. Т.о. эта грамматика („Ἀδελφότης") представляетъ изъ себя „грамматику доброглаголиваго еллино-словенскаго яз." Насколько странно заглавіе книги, настолько же странно и ея содержаніе. Передъ нами грамматика греч. яз., переведенная на слав. яз. вмѣстѣ съ примѣрами, склоненіями и спряженіями. Понятно, таблицы славян. склоненій и спряженій неполны; напр. нѣтъ мѣстнаго падежа, какъ отдѣльной формы, но зато есть членъ и такія формы, какихъ въ слав. яз. никогда не было (напр. желательное наклон.). Грамматическая терминологія не вновь переведена съ греч. яз., а старая, та самая, которая въ грамматикѣ Іоанна Экзарха. Грамматика Львовская скоро разошлась. Одинъ изъ бывшихъ львовскихъ учениковъ Лаврентій Зизаній, учитель виленской школы, въ 1596 г. напечаталъ свою грамматику, первую собственно ц.-сл. яз. („Грамматика словенска"). Авторъ рабски слѣдовалъ греч. грамматикѣ. Гласныя дѣлятся на долгія (и, ѣ, ю, я), короткія (е, о, у), двоевременныя (а, і, ѧ, ѵ). Авторъ признаетъ ц.-сл. членъ (иже), 6 падежей (и мѣстнаго нѣтъ).

Онъ учитъ, что стихи надо писать по греч. способу, т.е. считая одни гласные долгими, а другіе короткими. Отмѣтимъ помѣщенный въ концѣ книги лексисъ (т.е. небольшой слова-

рикъ). Повидимому и эта грамматика разошлась скоро. До насъ дошелъ только одинъ экземпляръ. Одинъ изъ учениковъ, вѣроятно Острожскаго училища, учитель Виленской школы, Мелетiй Смотрицкiй въ 1619 г. издалъ новую грамматику: „Грамматики словенскiя правилные синтагма." Въ введенiи къ ней мы находимъ нѣчто въ родѣ наставленiя учителямъ. Занятiя ц.-сл. яз. должны состоять въ переводахъ на русск. (народный) яз. Притчъ Соломона, Премудрости Сираха или чего нибудь подобнаго, переведеннаго съ греч. на чистый слав. яз., и въ разговорахъ учениковъ между собою по-славянски. Мы не будемъ останавливаться на теорiи Смотрицкаго, т.к. кк. она цѣликомъ греческая. Гласные дѣлятся на короткiе (е, о), долгiе (и, ѣ, ѡ), двоевременные (а, i, ѵ), и проч. Грамматика состоитъ изъ 4^хъ^ частей: орѳографiя, этимологiя, синтаксисъ и просодiя. Объемъ ея во всѣхъ отношенiяхъ значительно больше предыдущихъ грамматикъ.

Мы посмотримъ теперь, каковы въ ней особенности языка ц.-сл., какимъ онъ является у Мелетiя Смотрицкаго. Онъ не имѣетъ ничего близкаго къ языку Остромирова Ев.; также онъ не языкъ средне-болгарскаго извода. Это — языкъ русскихъ списковъ XIV в. Евангелiя, Апостола, вообще тѣхъ текстовъ, которые перешли къ намъ въ XIV–XV вв. изъ Болгарiи, притомъ по преимуществу юго-зап. русскихъ списковъ. Смотрицкiй больше всего пользовался, кажется, Острожскою библiею, но принималъ, понятно, во вниманiе и другiе тексты (рукописн.); мы здѣсь имѣемъ пеструю смѣсь ц.-сл., позднихъ болгарскихъ и русскихъ элементовъ (обще-русскихъ и юго-зап.-русскихъ), въ которой авторъ старается разобраться и которой онъ желаетъ дать какой-нибудь порядокъ. Приведемъ примѣры: слова на а, я въименит. ед. ч. въ русскихъ спискахъ XIV в. имѣютъ три формы род. ед. и им.-вин. мн. ч. на ѧ (= а), на и и иногда (послѣ шипящихъ и ц) на ы. М. Смотрицкiй не даетъ ни одному варiанту предпочтенiя передъ другимъ, оставляетъ все, но сортируетъ ихъ так. образ.

рѣка — род. ед., им., винит. мн.: рѣкѧ
юноша — родит., именит.: юноши
——— винит.: юношы и -ѧ.
пьяница (м. р.) род. и именит.: пьяници
——— винит.: пьяницы.
пьяница (ж. р.) — род., им., винит.: пьяницѧ.

Склоненіе словъ на ъ въ им. ед. ч. (тверд. основъ на о) въ русскихъ текстахъ XVI в. отличалось значительнымъ разнообразіемъ формъ (кн.-ст. ц.-сл., ср.-болг. и русскихъ позднихъ). Между прочимъ, для дат. и творит. пад. дв. ч. были двѣ формы на ома и ама. У Смотрицкаго онѣ распредѣлены такъ, что первая принята для одного дат. п., вторая для одного творит. пад. Или: во мн. ч. у насъ были по двѣ формы творит. на -ы и на -ами, мѣст. на -ехъ (е вм. ѣ) и на -ѣхъ: клевреты-ами; клевретехъ-ѣхъ. У Смотрицкаго и въ томъ и въ другомъ падежѣ сохранены оба варіанта. Или: въ склоненіи словъ на ь въ им. ед. (послѣ шипящихъ и ц на ъ) были у насъ три формы именит. и винит. мн. ч.: съ окончаніями на -а (я), на -и, на -ы. У Смотриц. всѣ эти три формы сохранены, но разсортированы: именит. - отци; винит. - отцы и отця. Или: склоненіе словъ въ родѣ сынъ отличалось у насъ особеннымъ богатствомъ формъ и Смотриц. сохраняетъ всѣ формы и мы у него находимъ

Множ. чис. И. сыны, сынове; Д. сыномъ, сыновомъ;
В. сыны, сыновы; Т. сыны, сынами;
М. сынехъ, сыновехъ.

Или: склоненіе мѣстоим. той тоже было богато формами. Всѣ онѣ сохранены у Мелетія, но распредѣлены такимъ образомъ.

Род. и мѣст. п. дв. ч.: тѣю; Дат. и тв. дв. ч.: тѣма и тыма.

Множ. чис.	Муж. р.	Жен. р.
И.	тіи	тія
Р.	тѣхъ	
Д.	тымъ	
В.	тыя	
Т.	тѣми	
М.	о тыхъ.	

Между глагольными формами Смотрицкій помѣстилъ много странныхъ, выдуманныхъ подъ греческимъ вліяніемъ. Напр. отъ читати: подчинительное наклоненіе наст. вр.: абымъ читалъ (полонизмъ, вошедшій изъ грамм. юго-зап.-русск. яз.) Переходящее время: абымъ былъ читалъ. Мимошедшее: абыхъ былъ часто читовалъ.

Москва, по причинамъ не совсѣмъ яснымъ, познакомилась съ грамматикой Смотрицкаго довольно поздно, едва ли не въ 40-хъ годахъ. Московскіе справщики Іоаннъ Насѣдка съ товарищами пришли въ восхищеніе

отъ „сея блаженныя и святыя книги грамматики" и предприняли въ 1648 г. новое изданіе ея, въ Москвѣ, предварительно пересмотрѣвъ ее и исправивъ. Послѣднее было необходимо, т.к. кое-что изъ того, что было у Смотрицкаго (особенно въ склоненіяхъ и спряженіяхъ) казалось страннымъ, необычнымъ для Москвы. Благодаря этому склоненія и спряженія приняли въ москов. изданіи иной видъ, можно сказать — улучшились, упростились. Возьмемъ склоненіе словъ на а. Форма род. ед. и дв. — мрежА — выкинута; она замѣнена формою мрежи, одинаковою съ фор. юноши, пьяници. Тоже сдѣлано съ фор. имен. мн. ч. Форма вин. мн. оставлена одна съ оконч. ы: мрежы, юношы, пьяницы. Теперь перейдемъ къ склоненію отецъ. Здѣсь форма вин. мн. ч. отця выкинута и оставлена только фор. отцы. Въ склоненіи мѣст. той форма род. дв. тою замѣнена формою тою, форма дат. тыма выкинута, оставлена форма тѣма; фор. мѣст. о тыхъ замѣнена фор. о тѣхъ. Но значительная часть того, что было у Смотрицкаго, въ москов. изданіи осталось безъ измѣненій. Такъ, между прочимъ, мы въ немъ находимъ: судіа, судіамъ, рядомъ съ лодіа, лодіямъ. Конечно, дѣленіе гласныхъ на долгіе и краткіе, а также ученіе о просодіи, московскими справщиками оставлено безъ всякихъ измѣненій.

Грамматика Смотриц. въ разныхъ изданіяхъ быстро и широко распространилась по всей Россіи и сдѣлалась школьной книгой. Теперь желавшіе писать по ц.-сл. уже могли научиться писать такъ, чтобы былъ правильный — на взглядъ ихъ современниковъ — ц.-сл. яз. Понятно, ц.-сл. яз. этихъ ученыхъ отличается отъ языка тѣхъ русскихъ книжниковъ, которые писали по ц.-сл., не имѣя подъ рукою грамматики Смотрицкаго.

Ц.-сл. яз. у тѣхъ русскихъ авторовъ, что пользовался грамматикой М. Смотриц., несравненно болѣе правиленъ, однообразенъ, чѣмъ у ихъ предшественниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, удаленный отъ живой рѣчи, стѣсненный правилами и этимологіи и синтаксиса, онъ тяжелъ, неуклюжъ, вообще несравненно менѣе живъ, чѣмъ ц.-сл. яз. напр. Курбскаго или кн. Шаховского. Мы съ трудомъ и съ непріятнымъ чувствомъ читаемъ тѣхъ русскихъ писателей конца XVII в. и нач. XVIII в., которые особенно строго придерживались правилъ грамматики: Симеона Полоцкаго изъ южно-руссовъ, Евфимія, Каріона Истомина, Өедора Поликарпова изъ московскихъ. Ихъ современники изъ числа не особенно образованныхъ (не привыкшихъ къ грамматической мудрости) чувствовали тоже, что

и мн., такъ одинъ изъ писателей XVII в. жалуется, что поученія Симеона „тяжки за высоту словесъ." Петръ В., желавшій широкаго распространенія въ народѣ книгъ, не любилъ ученаго слав. яз. и употреблялъ мѣры къ тому, чтобы приблизить его къ русскому живому. Онъ требовалъ отъ авторовъ и переводчиковъ, чтобы они писали „внятно, простымъ обходительнымъ русск. яз., а не высокими словами словенскими." Онъ нанесъ первый ударъ употребленію у насъ ц.-сл. яз., кк. литературнаго. Второй и послѣдній ударъ нанесли Тредьяковскій и Ломоносовъ. Тредьяковскій въ своемъ „Разговорѣ объ правописаніи" (1748 г.) разобралъ ту часть граммат. Смотриц., которая имѣетъ отношеніе къ орѳографіи, и доказалъ ея несостоятельность. Ломоносовъ замѣнилъ грамматику Смотриц., кк. школьный учебникъ, своею русской грамматикой. Граммат. Смотриц. дала возможность исправить (точнѣе привести къ нѣкоторому однообразію) языкъ богослужебныхъ книгъ. Какъ извѣстно, онѣ у насъ исправлялись (свѣрялись съ греч. текстами, старыми списками и т. д.) въ теченіе всей 2-ой половины XVII в. и въ началѣ XVIII в. Справщики (напр. Евѳимій) не только поправляли текстъ (т. е. замѣняли одни слова и выраженія другими), но также касались и грамматики съ орѳографіей. Т. о. они исправили текстъ Евангелія, Апостола и вообще всего того, что приготовляли къ изданію, согласно правиламъ Смотрицкаго. Петръ В. пожелалъ видѣть изданною всю библію (ветх. и нов. зав.) и указомъ 1712 г. предписалъ московскимъ справщикамъ (въ томъ числѣ Ѳедору Поликарпову) заняться пересмотромъ библейскаго текста и при этомъ обратить вниманіе на грамматику — править библію „грамматическимъ чиномъ", и они, по ихъ собственному свидѣтельству, все, что оказалось въ библіи „грамматичному осмочастію не согласно и правиламъ противно въ родѣхъ, числѣхъ, лицѣхъ, временѣхъ" и т. д. „оное все (иже безчисленно) правили по ряду." Приготовленное изданіе библіи при Петрѣ въ свѣтъ не успѣло выйти; объ немъ вспомнили лишь въ царствованіе Елизаветы, и исправленная и вновь просмотрѣнная библія была напечатана въ 1756 г. Здѣсь богослужебный ц.-сл. яз. получилъ окончательную форму, которую сохраняетъ и теперь. Взглянемъ на этотъ яз. Я не намѣренъ сообщать его грамматику и желаю сказать всего нѣсколько словъ объ элементахъ его фонетики и морфологіи. Фонетика представляетъ сильную смѣсь и между прочимъ не отличается выдержанностью. М. Смотрицкій и его преемники не могли дать

сколько-нибуд. сноснаго ученія о звукахъ; мы у нихъ не находимъ, напр., правилъ о смягченіи д въ жд, а не въ ж, т въ щ, а не въ ч, о полногласіи и т. п. А между тѣмъ безъ знанія подобныхъ правилъ, или по крайней мѣрѣ безъ обширнаго, хорошо составленнаго словаря ц.-сл. яз. не было возможности исправить ц.-сл. яз. богослужебныхъ и другихъ книгъ въ фонетическомъ отношеніи. Отсюда, напр., при господствѣ жд изъ д, щ изъ т мы встрѣчаемъ изрѣдка въ отдѣльныхъ словахъ русск. ж и ч постоянно, послѣдовательно: госпожа; нерѣдко: вижу (рядомъ виждꙋ); изрѣдка: случаю (хотя чаще: случщаю). Морфологія представляетъ больше однообразія и послѣдовательности, т. е. однѣ и тѣже формы отъ словъ одного типа одинаковы. Между прочимъ 3е л. наст. врем. всегда оканчивается на тъ (хвалитъ есть, суть, вѣсть); 2 л. мн. повел. — всегда на ите: ведите, и т. п. Но есть исключенія: дат. мн. имѣетъ двѣ формы на омъ (сыномъ) и на овомъ (сыновомъ), а изрѣдка встрѣчаются типичныя формы стараго русскаго яз., не нашедшія себѣ мѣста въ граммат. Смотрицкаго и ускользнувшія отъ вниманія исправителей: азъ и отецъ едино есмя. А иногда попадаются и ошибочныя формы, неправильныя съ точки зрѣнія граммат. Смотриц., также недосмотрѣнныя исправителями, напр. отъ юности моея мнози борютъ мя страсти. Орѳографія осталась Мелетіевская. Между прочимъ въ ней даже теперь проводится принципъ отличать на письмѣ слова и формы, одинаковыя по звукамъ и разныя по значенію:

ıазыкъ и ѧзыкъ   мужи и мужа.

Возвратимся теперь къ южнымъ славянамъ. Я уже указывалъ, что во 2й половинѣ XVI в. виленскіе типографщики-издатели Мамоничи печатали богослужебныя книги для южныхъ славянъ (болгаръ) и Молдо-волоховъ съ болгарскими особенностями, т. е. на ц.-сл. яз. болгаро-евѳиміевскаго извода. Но этихъ книгъ, изданныхъ Мамоничами, было немного, и потому вмѣстѣ съ ними къ южнымъ славянамъ и Молдоволохамъ стали привозиться изъ Россіи книги на ц.-сл. яз. русск. извода. Русскіе издатели конца XVI и нач. XVII в. уже имѣютъ въ виду, какъ читателей и покупателей, южныхъ славянъ и молдоволоховъ. Въ 1582 г. Кіевскій монахъ Іоакимъ просилъ у Іоанна Грознаго списокъ библіи для изданія на пользу народа русск. и всѣхъ православныхъ болгаръ, сербовъ, мултянъ, волоховъ.

Другіе русскіе дѣятели говорятъ въ послѣсловіяхъ своихъ книгъ, что изда-

нія ихъ предназначалось для всѣхъ православныхъ въ Великой и Малой Россіи, въ Сербіи и Болгаріи. Въ XVIII в., кажется, печатанія въ Россіи особыхъ книгъ для южныхъ славянъ уже не существовало, и богослужебныя книги русской печати шли къ южнымъ славянамъ исключительно на ц.-сл. яз. русскаго извода и въ значительномъ количествѣ, между прочимъ, при посредствѣ юж.-славянскихъ архіереевъ и монаховъ. Послѣдніе въ XVIII в. нерѣдко являлись въ Москву за милостыней и за книгами; и получали и ту и другія отъ патріарха и царя. Благодаря этимъ книгамъ, ц.-сл. яз. русскаго извода быстро распространился на Балкан. полуостровѣ и сталъ вытѣснять употреблявшіеся тамъ раньше изводы болгарскій и сербскій. Въ тѣхъ немногихъ произведеніяхъ, которыя были написаны болгарами въ XVII-XVIII вв (Люблянскій сборникъ; тексты, изданные Новаковичемъ, Ягичемъ, Качановскимъ) видно уже значительное вліяніе ц.-сл. книгъ русскаго извода. Языкъ этихъ произведеній ни коимъ образомъ не ц.-сл. яз. русскаго извода; онъ - пестрая смѣсь народнаго болгарскаго, стараго ц.-сл. яз. болгарскаго извода и болѣе новаго ц.-сл. яз. русскаго извода.

Даже Паисій, авторъ „Исторіи словено-болгарской о народахъ и царяхъ и святыхъ болгарскихъ" (жилъ во 2й пол. XVIII в.), который старался писать на „простомъ языкѣ, писалъ на смѣси, заключающей въ себѣ между прочимъ много руссизмовъ (напр.: святый, пріяти).

Сербскія произведенія и изданія XVIII в.

Конецъ XVII в. ознаменовался для Сербовъ тѣмъ, что значительная часть Сербовъ такъ назыв. Старой Сербіи вмѣстѣ съ патріархомъ сербскимъ Арсеніемъ Черноевичемъ переселилась въ австрійскія владѣнія. Затѣмъ въ нач. XVIII в. возникаетъ война между Австріей и Турціей, кончившаяся Пожаревацкимъ миромъ 1718 г., по которому сербская территорія (равная нынѣшнему сербскому королевству) хотя на короткое время (20 л.) перешла во власть Австріи. Сербы подъ властію Австріи, будучи въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ, завели болѣе живыя сношенія съ Россіей, гдѣ тогда царствовалъ Петръ В., устроили школу въ Бѣлградѣ и вызвали при посредствѣ Петра учителей изъ Россіи. Въ началѣ главнымъ учителемъ явился Максимъ Суворовъ изъ Москвы (воспитанникъ слав.-греко-лат. академіи), привезшій съ собою 400 экзем. букваря и 100 экз. славянской грамматики Смотрицкаго. За бѣлградской школой послѣдовали другія,

между прочимъ большая школа въ Карловцахъ, получившая учителей изъ Кіева (Козачинскій и Минацкій). Русскіе учителя съ граммат. М. Смотриц. и книгами, написанными на ц.-сл. яз. русскаго извода, въ рукахъ быстро ввели между Сербами въ литературное обращеніе ц.-сл. яз. русскаго извода.

Первыя произведенія на этомъ яз. въ сербскихъ земляхъ принадлежатъ самимъ учителямъ. Козачинскій между прочимъ писалъ школьныя драмы на сюжеты изъ сербской исторіи (мы знаемъ одну: объ убіеніи краля Уроша кралемъ Вукашиномъ). За школьными драмами послѣдовали перепечатки русскихъ книгъ, нужныхъ для Сербовъ (въ Вѣнѣ, Венеціи, Пештѣ), между прочимъ грамматики М. Смотриц. Послѣдняя была переиздана Сербами въ 1755г. „для пользы и употребленія сербскихъ юношей", т.к. эк. экземпляры этой грамматики, которыхъ прежде было много, тогда уже всѣ вышли. Наконецъ появляются переводы и сочиненія самихъ сербовъ особенно стихи и романы. Изъ нихъ извѣстны труды Раича, печатавшаго и свои стихи, и (въ 1794-95 гг.) свою „Исторію разныхъ словенскихъ народовъ" и другія сочиненія. (онъ м. проч. издалъ школьную драму Козачинскаго объ Урошѣ). Т.о. у сербовъ вошелъ въ литературное употребленіе ц.-сл. яз. русскаго извода. Конечно, онъ не могъ остаться чистымъ и принялъ въ себя много сербскихъ элементовъ; онъ сдѣлался „славяно-сербскимъ" или точнѣе -славяно-русско-сербскимъ и просуществовалъ до новѣйшихъ временъ. Еще въ 50хъ г. XIX в. даже романы издавались на этомъ языкѣ. Реформа сербскаго литератур. яз. начатая Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ, въ началѣ XIX в., стала пользоваться значительнымъ успѣхомъ лишь съ 50хъ год., а окончательная побѣда новаго литератур. яз. (народнаго сербскаго) надъ славяно-сербскимъ относится уже къ 60мъ г.: въ 1860г. было правительствомъ Сербіи разрѣшено употреблять въ печати живой сербскій яз.; а въ 1868г. онъ былъ признанъ за оффиціальный.

Хорваты.

Въ глаголическихъ богослужебныхъ книгахъ на ц.-сл. языкѣ сербскаго извода (эк. и въ кирилловскихъ) при перепискахъ и перепечаткахъ къ XVII в. накопилось много порчи и разногласій вслѣдствіе ошибокъ, описокъ, подправокъ переписчиковъ и издателей, вслѣдствіе замѣны славянскихъ словъ и формъ хорватскими. Отсюда

Лит. Д. М. Рудневой, Новый пер. 66-2.

несходство между собою богослужебныхъ текстовъ, рукописныхъ и печатныхъ. Исправленіе оказалось необходимымъ, и папа Урбанъ VIII поручилъ его Рафаилу Леваковичу, монаху-минориту, прожившему нѣкоторое время въ Польшѣ и Галиціи и немного знакомому съ ц.-сл. яз. русскаго извода и съ русскими книгами. Леваковичъ въ 1631 г. въ Римѣ издалъ исправленный глаголическій служебникъ (миссалъ). Языкъ этой книги вообще старый (ц.-сл. сербскаго извода), но въ немъ есть и примѣсь руссизмовъ, напр. слова (воскресение, церковь, воспомянути. Потомъ въ 1648 г. Леваковичъ издалъ исправленный часословъ (бревіарій). Здѣсь языкъ уже иной, почти совсѣмъ русскій. Леваковичъ работалъ надъ этою книгою не одинъ: онъ имѣлъ сотрудника Меѳодія Терлецкаго епископа холмскаго, уніата и русскаго по происхожденію, жившаго въ Римѣ. Терлецкій видѣлъ въ языкѣ Острожской Библіи чистый славян. яз., а хорватскій яз. ему казался „чужимъ". Потому „чужія далматинскія слова" были имъ выкидываемы и замѣняемы „чистыми словенскими", т.е. ц.-словенско-русскими, напр. святъ, имя, долгъ. Самый текстъ бревіарія исправлялся отчасти по латин. вульгатѣ (псалтирь); но глав. образ. по русск. книгамъ; потому онъ очень близокъ, иногда тождественъ съ текстомъ этихъ послѣднихъ. Такъ молитва „Отче нашъ" читается въ томъ видѣ, какъ у насъ. Дѣло Леваковича въ XVIII в. продолжалъ Караманъ, доведшій хорватскія богослужебныя книги до полнаго однообразія въ языкѣ.

Онъ жилъ нѣкоторое время въ юго-зап. Россіи и для него ц.-сл. яз. русскаго извода былъ чистымъ словенскимъ, а граммат. М. Смотриц. его источникомъ. Понятно, языкъ изданнаго имъ въ 1741 г. въ Римѣ глаголическаго миссала, значительно отличается отъ языка миссала, изданнаго Леваковичемъ. Въ немъ уже нѣтъ пестрой смѣси; онъ — чистый ц.-сл. яз. русскаго извода.

Т. о. ц.-сл. яз. русскаго извода распространился среди всѣхъ тѣхъ славянъ, которые имѣютъ богослуженіе на родномъ яз., т.е. у православныхъ и уніатовъ, т.е. и у католиковъ. Онъ продолжаетъ свое полуживое существованіе и нынѣ, въ качествѣ богослужебнаго яз. у Русскихъ, Сербовъ, Болгаръ, Хорватовъ. Другіе изводы ц.-сл. яз. теперь уже совсѣмъ прекратили свое существованіе.